

Томеллери Витторิโอ Спрингфилд

Туринский университет,
Италия, 10124, Турин, ул. Сант'Оттавио, 18
vittoriospringfield.tomelleri@unito.it

Г. А. Дзагуров и яфетическая теория академика Н. Я. Марра: комментированное переиздание текста*

Для цитирования: Томеллери В. С. Г. А. Дзагуров и яфетическая теория академика Н. Я. Марра: комментированное переиздание текста. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024, 21 (1): 224–251. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.112>

В статье представляется и переиздается статья крупного осетинского ученого, фольклориста и педагога Григория Алексеевича Дзагурова (1888–1979), опубликованная в 1924 г. под названием «Яфетическая теория академика Н. Я. Марра и вопрос о происхождении осетин». Воспроизводимый текст, сопровождаемый подробным комментарием с выявлением использованных автором источников, знакомит читателя с лингвистической теорией, разрабатывавшейся академиком Николаем Яковлевичем Марром (1864–1934) и опиравшейся на гипотезу о генетическом родстве яфетических (т. е. кавказских) языков с семитскими и на идею скрещения и смешения языков. Дзагуров предлагает краткий обзор основных положений лингвистической теории Марра, показывая ее прямое отношение к вопросу о двоякой природе, индоевропейской (иранской) и яфетической, осетинского языка. Работа Дзагурова исторически значима во многих отношениях. Во-первых, она свидетельствует о рецепции яфетического этапа марровской теории (т. е. до возникновения Нового учения о языке) в связи с изучением иранского языкового мира на Северном Кавказе. Во-вторых, подобные идеи о явлениях кавказского субстрата и языкового смешения развивались на протяжении последующих десятилетий одним из лучших учеников Марра, В. И. Абаевым (1900–2001), выявившим в осетинском языке многочисленные кавказские элементы на всех языковых уровнях. Наконец, небезынтересно то внешнее обстоятельство, что именно Дзагуров дал рекомендацию молодому Абаеву, поступавшему тогда в Петроградский государственный университет, косвенно поспособствовав, таким образом, наступлению важного этапа в истории осетиноведения в частности и советского языкознания в целом.

Ключевые слова: осетинский язык, Г. А. Дзагуров, Н. Я. Марр, В. И. Абаев, яфетическая теория.

* Данная статья теоретически и методологически тесно связана с научным проектом, поддержанным фондом PNRR — Missione 4 “Istruzione e Ricerca” — Componente C2 Investimento 1.1 “Fondo per il Programma Nazionale di Ricerca e Progetti di Rilevante Interesse Nazionale (PRIN)” — Decreto Direttoriale n. 104 del 02-02-2022 (CUP H53D23006810006).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

Между тем мир был и есть значительно шире, чем можно видеть из окна иранизма, обращенного лицом на соседящие, да и то не совсем точно известно, с какого времени, с иранцами, урало-алтайские и угро-финские народы.

Академик Н. Я. Марр [Марр 1918а: 2099]

Созданное крупными представителями местной культуры в апреле 1919 г. **Осетинское историко-филологическое общество (ОИФО)**, которое занималось изучением вопросов истории, а также языка, жизни и традиций осетин, просуществовало до 1 марта 1925 г. На его основе, параллельно с окончательной советизацией Осетии и образованием Северо-Осетинской автономной области в 1924 г., возник в 1925 г. **Осетинский научно-исследовательский институт краеведения** [ОНИИК: II; Канукова 2011: 10], «с тремя отделениями: естественно-историческим, экономическим и культурно-историческим» [Дзагуров 1928: 438]. Став, таким образом, ведущим центром науки и культурного просвещения на Северном Кавказе, этот институт вел интенсивную работу «по собиранию и записи памятников фольклора на всех диалектах осетинского языка» [Дзагуров 1973: 10]. Подвергшись очередным преобразованиям, ОНИИК стал предшественником **Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева (СОИГСИ)**, крупнейшего учреждения современного осетиноведения [СОИГСИ 100 лет: 3–7].

Уже в первые дни его существования в ОИФО регулярно проходили важные научные заседания и дискуссии по разным краеведческим вопросам, интенсивно обсуждались задачи языкового строительства, представлялись новые результаты исследований и свежие издания. Именно в стенах этого культурно и исторически чрезвычайно важного научного центра произошло ровно сто лет тому назад описываемое в настоящей статье событие.

Осенью 1923 г. на общем собрании ОИФО в рамках научно-исследовательской и просветительской деятельности был заслушан доклад известного филолога, фольклориста, педагога и общественного деятеля Григория Алексеевича Дзагурова (1888–1979), носящий название «Яфетическая теория академика Н. Я. Марра и вопрос о происхождении осетин» [Отчеты: 430, 432; Хроника: 169, 171]. В нем автор излагал с помощью многочисленных прямых цитат из разных работ Николая Яковлевича Марра (1864–1934) (которых он при этом не упоминал) тогдашний этап лингвистического учения последнего. Этим публичным выступлением ОИФО отзывалось на так называемую яфетическую теорию, открывавшую новые перспективы при изучении осетинского языка, особенно в связи с вопросом об этногенезе осетин. Основные положения доклада кратко сформулированы в отчете о деятельности ОИФО, причем там дословно воспроизводятся, как будто стенографическим образом, 16 пунктов [Отчеты: 446–448; Хроника: 182–183], имеющих также в печатной версии работы [Дзагуров 1924: 70–72]. Кроме того, в отчете упоминается о том, что доклад Дзагурова, касающийся ключевой проблемы происхождения осетин, вызвал долгие прения, в которых принимали участие видные деятели осетинской интеллигенции. В итоге дискуссий было принято постановление провести, в рамках сравнительного изучения осетинского и курдского языков,

полевые исследования в Курдистане, а также расширить осетинскую часть доклада для издания в вестнике ОИФО:

- а) снарядить экспедицию в Курдистан для сравнительного изучения осет. и курдск. языков;
- б) размножить вторую часть доклада, где говорится об осетинском яз., и разослать ее лицам, интересующимся этим вопросом;
- в) доклад иметь в виду для напечатания в журнале «Вестник осетинского историко-филологического общества» [Отчеты: 447–448; Хроника: 183].

Доклад, однако, вышел в другом журнале. В примечании к конспективному изложению основных положений доклада Дзагурова содержится важная справка о том, что полная версия доклада напечатана во втором выпуске «Известий Северо-Кавказского педагогического института» [Отчеты: 446¹], созданного в 1923 г. из Горского института народного образования².

До 1923 г., когда яфетическая теория начала постепенно переходить в пресловутое **Новое учение о языке**, отрицавшее понятие праязыка и провозглашавшее идею единства глоттогонического процесса и стадийный характер развития всех языков, лингвистическая концепция Марра оставалась еще, правда, не слишком уверенно и убедительно, в рамках традиционной компаративистики индоевропейского толка [Алпатов 2005: 111]. Статья Дзагурова рассматривала, естественно, именно яфетический этап теории, чей автор, придерживаясь основных положений сравнительно-исторического метода, просто перенесенного «в область других, неиндоевропейских языков» [Винокур 1925: 9]³, и применяя его обычную терминологию, продолжал рассуждать об «основных законах сравнительной фонетики яфетических языков» [Марр 1922в: 2].

Имя прилагательное «яфетический», как известно, происходит от имени третьего сына Ноя, Яфета [Дзагуров 1924: 60; Черных 1929: 29] и было выбрано Марром в связи с его идеей генетического родства яфетидов с семитами и хамитами [Браун 1924: 36]. Этим условным библейским термином, уже бытовавшим в лингвистической науке задолго до него⁴, Марр стал пользоваться для обозначения кавказских

¹ Это небезынтересное сведение отсутствует в репринтном издании 2007 г., где примечание заменяется указанием на то, что «[в]виду отсутствия греческих начертаний взяты латинские» [Хроника: 182].

² В том же выпуске имеются еще две статьи Дзагурова: 1) «Материалы для биографий осетинских писателей Коста Хетагурова и Елбыздуко Бритаева (Les matériaux pour servir à (sic!) la biographie des écrivains ossettes Kosta Chetagouroff et Elbyzdouko Britaïeff)», с. 73–77; 2) «Вс. Миллер как собиратель и исследователь памятников народной словесности Кавказских горцев (V. Millère, comme assembleur et investigateur des monuments littéraires des montagnards du Caucase)», с. 78–88 (см.: [Дзагуров 2008]).

³ См. также высказывание его коллеги и тогда еще сподвижника Федора Александровича Брауна (1862–1942): «Исходя из изучения многочисленных кавказских языков, лучшим знатоком которых он является, Марр мог доказать, что все они (грузинский, мингрельский, чанский, абхазский, сванский, черкесский, кабардинский и т. д., и т. д.), несмотря на сильное расхождение их, мешающее взаимному пониманию, составляют одну единую семью, в таком же смысле, в каком установлены семьи индоевропейская, семитическая и т. д.» [Браун 1924: 36].

⁴ Немецкий философ Г. В. Лейбниц (1646–1716), например, применял его к индоевропейским языкам [Heinekamp 1992: 321].

языков, еще будучи студентом Восточного факультета Санкт-Петербургского университета:

Естественно, эти вновь определившиеся языки были названы яфетическими, чтобы не расходиться с принятым в науке также условным библейским термином в отношении семитических. Раз имена Сима и Хама были закреплены за определенными группами языков, Хама за хамитическими языками, родство которых с семитическими в науке уже признавалось и тогда, то из имен трех братьев, Сима, Хама и Яфета, оставалось лишь одно, чтобы наименовать новых кавказских родственников семитической семьи, и они были названы по Яфету. Это было сорок лет тому назад (я был еще студентом, студентом 2-го курса) [Марр 1926а: 291; Марр 1936: 182].

Опираясь на регулярные звуковые соответствия, Марр делил яфетическую семью, родственную с хамито-семитскими языками, на две основные ветви, сибилантную (южнокавказские, или картвельские, языки) и спирантную (северокавказские языки):

Ветви эти отличаются друг от друга тем, что в одних и тех же по происхождению словах одна из ветвей закономерно обнаруживает звуки свистяще-шипящие, или сибиланты, в противоположность придыхательным звукам, или спирантам, другой ветви. Отсюда названия этих двух ветвей яфетической семьи: одна ветвь названа сибилантной, т. е. свистяще-шипящей, а другая спирантной, т. е. придыхательной. От сибилантной ветви яфетических языков сохранились, ее теперь составляют языки грузинский и мингрельский с лазским или чанским. Утеряны целые группы этой ветви и утеряна цельность сохранившихся двух групп картской, к которой принадлежит грузинский язык, и тубал-кайнской, к которой принадлежит лазский, он же чанский, и мингрельский, в древности иверский язык. Спирантную ветвь составляют многочисленные горские коренные языки Кавказа, распадающиеся на ряд групп. Начиная с востока — это лезгинские языки со сродными преимущественно в Дагестанской области, куда относятся, помимо наиболее распространенных, именно аварского и казикумукского, до десятка языков андо-дидойской группы. Затем ближайше к ним примыкает не только по местонахождению, но и по сродству чеченская группа с языками нахчайским, или собственно чеченским, ингушским и тушинским главным образом на северном склоне Кавказского хребта и прилегающих равнинах в Терской области и, наконец, абхазо-адыгейская группа с абхазским и черкесским, или адыгейским, языками и их наречиями и говорами с многочисленными промежуточными, стоящими между адыгейским и абхазским языками. Некоторых из последних наука наша не досчитывается в пределах нашего государства только потому, что в силу превратностей судьбы говорящие на них, ныне выселенцы с Кавказа, находятся в числе обитателей Турции, так в числе прочих убыхи с родным убыхским языком [Марр 1916б: 12; 1938: 135].

Схематическое изображение разных ветвей яфетических языков приводит Немировский [Немировский 1928: 321–322].

Любопытно при этом, какое определение Дзагуров дает, в духе позднего Марра, сравнительному языкознанию (или языковедению)⁵, которое, по его словам,

⁵ См. также слова самого Марра, восходящие, возможно, к определению И. А. Бодуэна де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963: 96]: «Называют ее (*лингвистику*). — В. С. Т.) также то языковедение, то

«занимается разрешением вопроса о происхождении человечества» [Дзагуров 1924: 59], выявляя в разных языках мира остатки прежних стадий [Алпатов 2005: 111]. В этих словах предварительно чувствуется дальнейший сдвиг марровской теории все больше и больше в сторону «лингвистической палеонтологии», выходя за рамки сравнительно-исторического изучения языковых семей⁶. На западе же, согласно постановлению Парижского лингвистического общества 1866 г., научное языкознание строго соблюдало запрет любого рода обсуждений о происхождении человеческой речи.

Уже из названия доклада Дзагурова хорошо видно, какое важное значение придавалось, в рамках зарождающейся новой научной парадигмы, проблеме этногенеза осетин и «двуприродности», т. е. смешанного (яфетическо-индоевропейского) характера их языка. Подобную гипотезу Марр уже выдвигал по поводу армянского языка, считавшегося им не чистым индоевропейским, а продуктом языкового смешения исконно яфетического пласта с лингвистическим наслоением индоевропейских завоевателей [Марр 1916б: 15; 1938: 138].

Как явствует из текста Объяснительной записки к Положению о вновь создаваемом **Институте яфетидологических изысканий**, затем для удобства переименованном в менее громоздкое название «**Яфетический институт**», целью нового научного направления, которое, отделяясь от индоевропейского языкознания, переросло рамки кавказоведения как в материальной базе, так и в теоретических задачах [Башинджагян 1937: 251], было выяснение «скрещения не только межплеменного в кругу одной расы, представленной яфетическими языками, но и двурасового, когда скрещиваются языки различных рас для образования нового типа» [Марр 1922б: VI]. Марр далее считал кавказских иранцев яфетидами смешанного типа, т. е. народами яфетическо-ариоевропейской семьи, и осторожно относил их к коренному населению Кавказа:

Этническо-лингвистические их признаки пока не доследованы до требуемой глубины. Однако общность многих материальных языковых явлений (фонетика, лексика, особенно в образной части семасиологии) и быта северных иранцев, именно осетин, с северно-кавказскими и соседящими с юга яфетидами, а южных иранцев, т. е. курдов, с яфетидо-ариоевропейцами, склоняют к положительному ответу на вопрос об этнической принадлежности обеих народностей к коренному населению Кавказа, т. е. к яфетидам, несмотря на иранскую природу их родной речи [Марр 1920: 24].

К изучению взаимоотношений осетинского языка, традиционно признаваемого индоевропейским, с кавказским окружением Марр приступил лишь после того, как определил принадлежность вершицкого диалекта языка бурушаски к среднеазиатской группе яфетических языков, находящейся за пределами Кавказа [Миханкова 1949: 269]⁷; это географическое распределение яфетических языков

языкознание, что приводит к большим недоразумениям, внушая мысль всякому, знающему тот или иной язык, хотя бы научно, что он тем самым лингвист» [Марр 1926а: 287; 1936: 179].

⁶ Лингвистическую палеонтологию Марра подробно описывают Д. И. Петренко и К. Э. Штайн [Петренко, Штайн 2017: 131–161].

⁷ В архиве Марра (Санкт-Петербургский филиал Архива АН. Ф. 800. Оп. 1) находится дело № 1035 под названием «Вершицкий язык», относящееся к 1916–1920 гг., которое содержит, по описи (с. 114), набросок грамматики припамирских языков: 1) показатели множественности, 2) фоне-

тогда еще объяснялось им переселением народов из Передней Азии в Среднюю. На XII-м заседании Отделения исторических наук и филологии, проходившем 23 (10) октября 1918 г., он сообщал следующее:

Я уже сообщил об обнаружении у Гиндукуша языка, родственного с яфетическими, именно с горскими яфетическими языками Кавказа. Нахождение его в одиночестве, в двух наречиях, буришаском и вершиком, среди иранских, внушило мне мысль использовать, для методологически более правильного подхода к вопросу о взаимоотношениях, то, что выяснено на Кавказе в отношении к яфетическим языкам, по осетинскому, иранскому, также одиноко, с двумя наречиями — иронским и дигорским — и одним говором иронского наречия, заброшенному среди яфетического этнического мира. Справки, однако, выявили, что эта сторона дела, важнейшая не для одной лишь яфетической стороны, но и иранской, в данный момент для иранской стороны, быть может, еще более важная, затронута лишь слегка в ирановедных работах по осетинскому языку, даже в классическом исследовании В. Ф. Миллера. Это поставило в необходимость пересмотреть и проштудировать изданные осетинские материалы, что открыло некоторый простор для работ по сопоставлению и сближению, а иногда и отождествлению явлений, материалов и норм осетинского языка и ничего не имеющих с ним общего по родству, как то установлено в науке, яфетических языков. Работы на эту тему наиболее правильно озаглавить «Ossetica-Japhetica». В качестве первой заметки под этим общим заглавием я предлагаю для напечатания в «Известиях» небольшую работу, озаглавленную «*Faḡoḡd-i ossetiniskikh skazok i jafeticeskij termin faskund “mag”, “vestnik” (“вещая птица”)*». Положено напечатать статью в «Известиях» Академии (курсив в источнике. — В. С. Т.) [Извлечения из протоколов: 2022–2023].

В упомянутой статье «Ossetica-Japhetica» Марр указывал на необходимость изучать осетинский язык, выходя за узкие рамки иранского культурного мира и расширяя кругозор за счет включения материала коренных языков Кавказа, «с которыми он сожительствует в весьма интимном общении многие и многие сотни лет» [Марр 1918а: 2071]. Разрабатывая свою теорию о существовании яфетической ветви ноэтической языковой семьи, Марр постепенно стал включать в сферу своих этническо-лингвистических и культурно-исторических интересов не только семитские языки, которые он считал далеко родственными с яфетическими, но и индоевропейские. Увеличение объема привлекаемого лингвистического материала привело к тому, что яфетическое языкознание перестало быть исключительно кавказоведческой наукой. Изложив в серии заметок двуприродность армянского языка, Марр продолжал развивать теорию скрещения и перерождения лингво-этнических образований, расширяя диапазон языкового материала и переходя, таким образом, к выявлению яфетических элементов в осетинском. Он обнаружил в нем наличие целого ряда общих с яфетическими черт, позволяющих освободить изучение этого языка от одностороннего подхода традиционного сравнительно-исторического языкознания:

тика, 3) местоимения, 4) склонение, 5) спряжение — и другие приложения. В деле № 608 (с. 118), относящемся к 1916–1917 гг., хранится начатая статья, частично написанная, и материалы к ней: «К вопросу о значении одной группы памирских языков для яфетической теории (другой заголовок: «Гиндукуш и Кавказ в лингвистическом отношении». — В. С. Т.). В деле № 606 (с. 129), относящемся к 1917 г., имеются «Яфетическо-арийские встречи на иранской почве Памира».

С «осетинским» (овским)⁸ начали рьяно и вошли в тупик. Яфетидология четкими фактами выбивает из рук некомпетентных судей, индоевропеистов, этот язык с ошеломляющим количеством связей с народами яфетического круга в речевой культуре, фольклоре, эпосе и т. д. [Март 1931: 21; 1933: 286].

В отличие от армянского языка, который как пример смешанного языка занимал центральное положение в теоретическом арсенале его лингвистического учения, при создании яфетической теории осетинский язык привлекался Марром лишь поздно и побочно, «оставаясь всегда на периферии его научных интересов» [Абаев 1937: 201]. Март занимался им лишь попутно, а именно в работах этнологического характера [Меликсет-Беков 1925: 253], которые как раз и привлекли внимание Дзагурова. Односторонность трактовки осетинского языка «в аспекте только его иранского происхождения, без надлежащего учета его исторического своеобразия» [Абаев 1962: 88]⁹ он осознал позже, неоднократно указывая как на заслуги Всеволода Федоровича Миллера (1848–1913) в области иранистики, так и на явные недостатки традиционного индоевропейского подхода. Такое положение дел объяснялось тем, что Н. Я. Март как будто «несколько переоценивал солидность и основательность обычной иранистической трактовки осетинского языка» [Абаев 1937: 202]. В своих исследованиях по вопросам истории осетинского языка и народа Миллер преследовал цель «определить место осетинского языка среди языков индоиранского круга и показать преемственную связь осетин со скифо-сарматским миром» [Гуриев 2008: 26]; им был «окончательно установлен иранский характер осетинского языка, определено его место среди индоевропейской семьи языков вообще и среди иранской ее ветви в частности» [Исаев 2009: 122]. Его труды

составили и вместе с тем и завершили тот этап исследования осетинского языка, который можно назвать иранистическим, когда осетинский язык изучался как исключительно монолитный иранский язык, как однородный член иранской языковой группы, в которой его положение было определено, главным образом, на основании его фонетических и морфологических данных, включенных в общую систему развития так называемого индо-европейского языка [Миллер 1946: 77]¹⁰.

Как неоднократно отмечал Март, поиск иранских элементов при изучении восточных народов юга России и кавказского региона являлся «лозунгом» научных изысканий того времени, грозившим «обратить весь кавказский мир в иранцев»:

Наука о языке опорой археологам давала до сих пор гипотезу об иранском происхождении всех, игравших историческую роль, восточных народов на юге России и по

⁸ Март считал этнографически и лингвистически совершенно «неправильным» и даже «искаженным» имя прилагательное «осетинский», образованное с добавлением славянского суффикса из грузинского названия страны *ოსეთი-ოსეტი* *oseṭi*, производного от этнонима *ოსე-ოსე* *osi*, и предпочитал употреблять форму «овский» [Март 1932: 7] (см. также: [Март 1916а: 1387; 1922в: 12]).

⁹ Ранее при оценке этого научного поворота Абаев выбрал иную формулировку, ближе стоящую к теории любимого учителя: «в аспекте ее якобы иранского происхождения» [Абаев 1937: 202].

¹⁰ Автор добавляет, что «[э]тот иранистический этап теперь заканчивается, когда изучение осетинского языка становится делом самих осетин» [Миллер 1946: 77], с чем, однако, можно лишь отчасти согласиться, учитывая немаловажное значение в данной «смене парадигмы» именно яфетической теории академика Марра. О вкладе академика Миллера в изучение осетинского языка см. также: [Алборов 2005; Исаев 1962: 86–88].

хребту кавказских гор: иранского происхождения одного в реальности народа, осетинского, точнее — осского, в кавказских горах было достаточно, чтобы, благодаря трудам основоположателя в этой области ирановедения покойного В. Ф. Миллера, искание иранизма во всем и во всех стало лозунгом всякой научной работы [Марр 1915: 120; 1938: 105].

В отзыве 1919 г. о научной деятельности германиста Ф. А. Брауна, составленном Марром при представлении коллеги к избранию в состав Государственной академии истории материальной культуры, звучит упрек в адрес труда Брауна о готовославянских отношениях [Браун 1899] из-за методологической ограниченности выраженных там взглядов:

Тогда иранскими подосновами исчерпывались предполагавшиеся наиболее древними источники оплодотворения населения в пределах расселения скифов и сарматов, сложные проблемы о которых органически вплетаются в главный труд Брауна. Не Брауна лишь, а всю эпоху характеризует державное господство индоевропейских лингвистических разъяснений, часто отвлеченных этимологизаций, поддерживавшихся культурно-историческим горизонтом иранизма, и отсутствие научного сознания, хотя бы тени сознания, существования большой проблемы о материальной связи Юга России с Кавказом вне уз индоевропейского племенного родства, вне путей иранской культуры¹¹.

Согласно новой идее, выдвинутой Марром, наряду с языковыми элементами индоевропейского происхождения, выявленными в свое время вторым корифеем осетинского языкознания Миллером [Исаев 1962: 86], в осетинском языке обнаруживаются явные кавказские следы, требующие со стороны исследователя особого внимания с учетом языкового контакта.

Главным стержнем его лингвистической концепции являлся комплексное изучение материальной и духовной культуры осетинского народа. Марр действительно открыл новый этап в истории изучения осетинского языка и культуры [Абаев 1937: 206–207], выйдя за узкие рамки иранистических исследований и поставив его на более широкую и многостороннюю основу.

Интерес Марра к осетинскому языку был тогда продиктован, возможно, загадкой скифского языка, о котором он читал доклад 6 сентября 1926 г. на Керченской конференции археологов СССР, куда он поехал по окончании работ в Приволжье и в Прикамье [Миханкова 1949: 383¹²]; на самом деле Марр был всегда одержим поиском недостающего звена. Как только этническо-культурная группа не поддавалась однозначному объяснению («плохо лежала»), он сразу отыскивал в ней элементы, позволяющие связать ее с яфетидами. Не исключено, что его интерес к скифскому языку отражал дух того времени, когда идея единства степной культуры от Азии

¹¹ Санкт-Петербургский филиал Архива АН. Ф.909 (Орбели Иосиф Абгарович). Оп.5. Ед. хр. 46: *Вера Андреевна Миханкова, Переписка Н.Я. Марра с Ф.А. Брауном*. Статья. Машинопись с правкой [автора]. Л. 7. В предварительном отчете о своей командировке в древнюю Этрурию и Баскию Марр положительно отзывался о том, как Браун в своей *Antrittsrede* в Лейпцигском университете подчеркивал «необходимость постановки проблемы о дуприродном происхождении германских языков, а также о намечающемся скрещении в них индоевропейских элементов с яфетическими» [Марр 1921: 727].

¹² На с. 383–384 приводятся основные тезисы доклада.

до Европы занимала в России умы многих ученых и литераторов¹³ [Bertrand 2002: 191]. Этой переориентацией, изложенной в исследовании 1931 г. [Быковский 1931] и ранее представленной на первом международном съезде славистов в Праге [Робинсон 2013: 81; Робинсон, Стыкалин 2020: 113], возможно, обусловлена также идея доцента Педагогического института им. В. И. Ленина в Вятке Сергея Николаевича Быковского (1896–1936) об этногенетической филиации тавров, скифов, славян и финнов [Bertrand 2002: 192]. Именно эти аспекты и составляют ядро статьи Дзагурова.

В первой части своего изложения (с. 59–64), как уже говорилось, автор предлагает не совсем верное определение цели сравнительно-исторического языкознания, как будто заключающейся в разрешении «вопроса о происхождении человечества» [Дзагуров 1924: 59]; он далее подчеркивает всемирное признание — в международной лингвистике — лишь некоторых языковых семей, прежде всего индоевропейской, затем семитской, урало-алтайской и финской [Дзагуров 1924: 59]. Главное внимание ученого мира, из-за особого (можно сказать привилегированного) положения европейских народов и государств, уделялось изучению индоевропейских языков, к которым относится также осетинский язык. Несмотря на то что принадлежность последнего к иранской ветви была успешно и убедительно доказана Миллером, новая лингвистическая теория, выдвинутая академиком Марром, позволяет поставить новые вопросы о возникновении человеческой речи и особенно об этно- и глоттогенезе, обусловленном скрещением и смешением (любопытно, что здесь автор повторяет термин «раса», употребленный в его источнике).

Наряду с теоретической новизной, в глазах Дзагурова яфетическая теория представляет также общественно-практическое значение, так как опыт исследования прошлых фаз типологического развития человеческой речи служит отправной точкой при разработке единого языка в будущем бесклассовом обществе. Яфетическое языкознание не должно ограничиваться изучением скрещенных языков Кавказа, как, например, двух вариантов армянского языка, но призвано расширить свой кругозор на доиндоевропейские элементы во многих языках Европы. Важное значение при анализе процессов возникновения и перерождения языковых типов Марр придавал также «раскрытию племенных религиозных верований или их пережиточных элементов в бытовом проявлении культурно усвоенной определенной мировой религии» [Дзагуров 1924: 63]; материальная культура составляла существенный элемент при выявлении этногенетических процессов, касающихся данного народа. Кроме этнически-культурного фактора, в котором постоянно обнаруживаются процессы смешения и скрещенния, следует внимательно отнестись и к социальному слою и производственным отношениям.

После краткого изложения яфетической теории по пунктам Дзагуров переходит ко второй части работы, прямо касающейся осетинского языка (с. 64–70). Сразу возникает важный вопрос о том,

¹³ О «скифстве» в русской культуре начала XX в. см.: [Бобринская 1998]. В архиве Марра (Санкт-Петербургский филиал Архива АН. Ф. 800. Оп. 1) хранятся разные дела, прямо касающиеся скифской темы: № 1025 (с. 150), 1916–1920: «К скифскому вопросу»; № 1028 (с. 164), 1921: «Термин “скиф”». Рукопись напечатанной статьи. Заметки и выписки Н. Я., № 2592 (с. 243), 1926: «Скифы (Заметки об отношениях скифов и греков)».

имеем ли в этих двух племенах в составе кавказского населения автохтонов-яфетидов, усвоивших иранский язык той или иной группы, или они чистые ариоевропейцы иранской ветви, натурализовавшиеся в крае с усвоением некоторых языковых и бытовых черт окружающей племенной среды, на севере яфетической, на юге — яфетической-ариевропейской.

Чтобы окончательно ответить на этот вопрос, необходимо решить другую проблему — о времени появления на Кавказе этих племенных групп, т. е. «кто первый появился на Кавказе и откуда» [Дзагуров 1924: 65].

Текст перепечатанной здесь статьи Дзагурова интересен прежде всего тем, что там подробно излагается вклад яфетической теории в изучение вопроса о кавказском субстрате в осетинском языке. Дальнейшее — и плодотворное — развитие идеи Марра нашли у его талантливого ученика, тогда еще молодого осетинского языковеда В.И. Абаева (1900–2001), выпускавшего свои первые научные работы под псевдонимом В. Зорати. Став активным участником ОИФО, он понравился Дзагурову, давшему ему рекомендацию в Петроградский государственный университет [Шнирельман 2006: 91].

Несмотря на некоторые очевидно сомнительные аспекты яфетической теории, следует здесь отметить «положительное» влияние Марра, возможно, через посредство Дзагурова [Шнирельман 2006: 92], на своего ученика, который в ряде работ уделял особое внимание контактным явлениям при этногенезе осетин [Миллер 1946: 78; Исаев 1962: 93; 1980: 42–44; 2000: 36–40]. Абаев считал, что субстратный фактор тесно связан со становлением языка и народа, тогда как культурные влияния касаются уже сформировавшихся языков [Абаев 1949: 80]. Признавая принадлежность осетинского языка к иранской группе, он все-таки считал, что кавказский элемент, в отличие от остальных, «вошел в осетинский не просто как внешнее влияние — подобно тюркскому, арабскому и др., а как самостоятельный структурный фактор, как своего рода вторая его природа» [Абаев 1949: 76]. В осетинском языке, следовательно, «слились, соединились две линии преемственности, одна — идущая от древнеиранского и другая — идущая от субстратных, кавказских языков» [Абаев 1949: 115]. Однако, несмотря на приверженность Марру, Абаев сумел преодолеть некоторые поздние взгляды своего учителя:

К этому времени (1948 г. — В. С. Т.) ученый, сохраняя, как и многие представители его школы, почтение к Марру (что отражено в начальной части статьи), был уже совсем независим от его взглядов, придя, в частности, к признанию языковых семей и родства языков [Алпатов 2006: 9].

Кроме этого, именно Дзагуров заботился о молодом Абаеве, который в те годы начинал делать свои первые шаги на научном поприще. В рекомендательном письме от 4 ноября 1922 г. он очень положительно высказывался о способностях молодого коллеги:

ст-т В. Абаев обратил внимание Осетинского историко-филологического общества своим докладом об ударении в осетинском языке. Из него может получиться хороший иранист и кавказовед, в чем русская наука нуждается очень сильно, особенно после смерти Миллера, Корша и Залемана (Центральный государственный архив

Санкт-Петербурга. Личное дело № 2039 студента В.И.Абаева, цит. по: [Боголюбов 2000: 63]).

Благодаря встрече с Марром, Абаев, верный, но одновременно достаточно самостоятельный ученик, который «часто не поддерживал собранные ненаучной фантазией идеи своего учителя, развивая реалистические направления в исторической лингвистике» [Чибиров 2000: 100], воспринял идею о двуприродном характере осетинского языка, т. е. о сочетании в его складе языковых элементов как иранского, так и кавказского происхождения.

В свою очередь, Дзагуров обсуждал понравившуюся ему теорию академика Марра о том, что осетинский язык возник из слияния иранского с яфетическим и что яфетические народы переселились на Кавказ из Месопотамии под давлением «ариоевропейцев», которые последовали за ними, став второй волной древних переселенцев. Главная задача, которая, как подчеркивал сам Дзагуров, оставалась нерешенной, заключалась в исконном характере осетинского языка, в ее основе. Как и Марру, ему оставалось неясным, произошло ли смешение языков до переселения или после него и были ли осетины потомками иранизированных яфетидов или же ираноязычных пришельцев, попавших под некоторое влияние кавказских аборигенов. Дзагуров дал этому вопросу весьма остроумное решение, представив предков осетин «одновременно и пришлым, и коренным элементом» [Дзагуров 1924: 72] (см. также: [Шнирельман 2006: 87]).

Наряду с общим представлением исторического и научного контекста возникновения статьи Дзагурова, цель настоящей работы, приуроченной к столетнему юбилею публикации, состоит прежде всего в переиздании текста, исправленного и дополненного ссылками на работы Марра, щедро приведенные в тексте без указания на источник. Речь идет о следующих сочинениях, здесь расположенных в хронологическом порядке (полные выходные данные см. в библиографии):

1. «Ossetica-Japhetica. I: Фагонд-и осетинских сказок и яфетический термин *faskund* “маг”, “вестник”, “вещая птица”» [Марр 1918a];
2. «Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа (рабочий проект)» [Марр 1920];
3. «Термин “скиθ”» [Марр 1922a];
4. «Институт яфетидологических изысканий Российской академии наук» [Марр 1922б];
5. «Кавказские племенные названия и местные параллели» [Марр 1922в].

Первоначальная нумерация страниц, ссылки и комментарии автора настоящей статьи проставлены в фигурных скобках {}. Принятые автором сокращения не раскрываются, а также не унифицируется непоследовательное употребление предлога *об* перед словами, начинающимися на йотированный гласный, например «об едином» vs «о языке».

Напротив, без оговорок произведены: 1) исправление опечаток в таких случаях, как, например, *яфетодология* вместо *яфетидология* (с. 60), *мятерериалами* вместо *материалами* (61), *наростания* вместо *нарастания* (61), *адигейском* вместо *адигейским* (63), *слобесность* вместо *словесность* (63), *Ossetisa* вместо *Ossetica* (63), *jafetica* вместо *japhetica* (68), *Марро* вместо *Марра* (69), *скрещения* вместо *скрещение* (71); 2) замена апострофа на твердый знак, например *объединений* вместо *об'единений*

(63). Также не оговариваются другие мелочи, касающиеся знаков препинания, такие как неправильно поставленные кавычки, слитное или раздельное написание некоторых слов и, наконец, употребление прописной или строчной букв, например Юга вместо юга (66), Кавказской вместо кавказской (66), Месха вместо месха (67).

Отклонения в цитатах из работ Марра устраняются с указанием в сносках на чтение, засвидетельствованное в статье; там же дополнения по оригиналу ставятся в круглые скобки (), тогда как угловыми скобками < > обозначаются слова, буквы или знаки, присутствующие в тексте Дзагурова, но отсутствующие в его источнике.

Источники

- Авалишвили 1937 — Авалишвили З. Гора языков. *Кавказ (Le Caucase)*. Орган независимой национальной мысли. 1937, 10 (46, октябрь): 6–11.
- Алпатов 2005 — Алпатов В. М. *История лингвистических учений: учеб. пособие*. 4-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Башинджагян 1937 — Башинджагян Л. Г. Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра. *Вестник Академии наук СССР*. 1937, (10–11) (1917–XX–1937): 251–265.
- Бодуэн де Куртене 1963 — Бодуэн де Куртене И. А. Языкознание. *Избранные труды по общему языкознанию*. В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 96–117.
- Браун 1899 — Браун Ф. А. *Разыскания в области готто-славянских отношений. I. Готы и их соседи до V века. Первый период: готы на Висле, с двумя картами*. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1899.
- Браун 1924 — Браун Ф. А. *Первобытное население Европы* (с 4 табл. рис.). [Первое издание: Браун Ф. А. Первобытное население Европы. *Беседа, журнал литературы и науки*. 1923, (1, май — июнь): 264–308.] Берлин: Эпоха, 1924.
- Быковский 1931 — Быковский С. Н. *Яфетический предок восточных славян — киммерийцы* (Известия Государственной академии истории материальной культуры. Т. 8. Вып. 8–10). Л.: ОГИЗ, 1931.
- Винокур 1925 — Винокур Г. О. Введение. О возможности прикладного языкознания. В кн.: Винокур Г. О. *Культура языка. Очерки лингвистической технологии*. М.: Работник просвещения, 1925. С. 9–28.
- Дзагуров 1924 — Дзагуров Г. А. Яфетическая теория академика Н. Я. Марра и вопрос о происхождении осетин и осетинского языка (La théorie Japhétique de l'académicien N. J. Marr et la question de l'origine d'Osséthie et de la langue ossette). *Известия Северо-Кавказского педагогического института / Bulletin de l'Institut Pédagogique du Caucase du Nord*. 1924, (2): 59–72.
- Дзагуров 1928 — Дзагуров Д. А. Осетинский научно-исследовательский институт краеведения. *Новый Восток. Журнал научной ассоциации востоковедения Союза С. С. Р.* 1928, (23–24): 437–439.
- Дзагуров 1973 — Дзагуров Г. А. *Осетинские народные сказки, собрал Г. А. Дзагуров (Губади Дзагурти)*. М.: Глав. ред. вост. лит., 1973.
- Дзагуров 2008 — Дзагуров Г. А. Вс. Миллер как собиратель и исследователь памятников народной словесности кавказских горцев. *Известия СОИГСИ*. 2008, 2 (41): 126–133.
- Извлечения из протоколов — Извлечения из протоколов заседаний Академии. *Известия Российской академии наук, 6-я сер.* 1918, 12 (18): 2005–2028.
- Коноводов 1965 — Коноводов И. Н. *Казачий народ*. В 2 ч. Ч. 1. Нью-Йорк: Изд. Казачье-американского народного союза, 1965.
- Марр 1915 — Марр Н. Я. О религиозных верованиях абхазов (к вопросу об яфетическом культе и мифологии). *Христианский Восток*. 1915, (4): 113–140.
- Марр 1916а — Марр Н. Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа. *Известия Императорской Академии наук / Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences*. 1916: 1379–1408.
- Марр 1916б — Марр Н. Я. Кавказоведение и абхазский язык. *Журнал министерства народного просвещения*. 1916, новая серия, 63 (5 (4)): 1–27.

- Март 1918a — Март Н. Я. Ossetica-Japhetica. I: Фагонд-1 осетинских сказок и яфетический термин фaskund «маг», «вестник», «вещая птица». *Известия Российской академии наук / Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie*. VI сер. 1918, 12 (18): 2069–2100.
- Март 1918б — Март Н. Я. Дополнение к статье Фагонд-1 осетинских сказок и яфетический термин фaskund «маг», «вестник», «вещая птица». *Известия Российской академии наук / Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie*. VI сер. 1918, (12): 2307–2310 [отдельный оттиск, Пг.: Тип. Рос. акад. наук, 1919].
- Март 1920 — Март Н. Я. *Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа (рабочий проект)*. Пг.: Тип. Рос. акад. наук, 1920 [Российская академия наук. Труды комиссии по изучению племенного состава населения России 3].
- Март 1921 — Март Н. Я. Предварительный отчет по командировке в пределы Древней Этрурии и Баскию. *Известия Российской академии наук*. VI сер. 1921, (XIV) / *Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie*, VI série, tome XV: 725–739.
- Март 1922a — Март Н. Я. Термин «скиф». Посвящается памяти В. Ф. Миллера. В сб.: *Яфетический сборник — Recueil Japhétique*. Вып. 1. Петербург: Ин-т яфетидологических изысканий Рос. акад. наук, 1922. С. 67–132.
- Март 1922б — Март Н. Я. Объяснительная записка к Положению. В сб.: *Яфетический сборник — Recueil Japhétique*. Вып. 1. Петербург: Ин-т яфетидологических изысканий Рос. акад. наук, 1922. С. VI–XV.
- Март 1922в — Март Н. Я. *Кавказские племенные названия и местные параллели*. Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1922 [Российская академия наук. Труды комиссии по изучению племенного состава населения России 5].
- Март 1926a — Март Н. Я. О происхождении языка. В сб.: *По этапам развития яфетической теории. Сборник статей Н. Я. Марра*. М.; Л.: Изд. ин-та этнич. и нац. культур народов Востока СССР, 1926. С. 286–335.
- Март 1926б — Март Н. Я. Абхазоведение и абхазы (к вопросу о происхождении абхазов и этногении восточной Европы). *Восточный сборник*. Вып. 1. Л.: Гос. публич. б-ка, 1926. С. 123–166 [Государственная Публичная библиотека в Ленинграде. Серия V: Orientalia, 1].
- Март 1927 — Март Н. Я. Ossetica-Japhetica II. 1. ос. jăbăt 'пята'; — 2. ос. dur 'камень'. *Известия Российской академии наук / Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie*, VI серия. 1927, 21 (3): 433–440.
- Март 1931 — Март Н. Я. *Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык* (Ученые записки научно-исследовательского института народов советского Востока при ЦИК СССР, вып. 1). М.; Л.: Центр. изд-во народов СССР, 1931.
- Март 1932 — Март Н. Я. К вопросу о народной овской литературе. *Амран, перевод, обработка и комментарии Дзахо Гатуева, предисловие и редакция академика Н. Я. Марра*. М.; Л.: Academia, 1932. С. 7–12.
- Март 1933 — Март Н. Я. *Этапы развития яфетической теории*. Л.: Изд-во Гос. акад. истории матер. культуры, 1933 [Избранные работы, т. 1].
- Март 1936 — Март Н. Я. *Основные вопросы языкознания*. [Л.]: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936 [Избранные работы, т. 2].
- Март 1938 — Март Н. Я. *О языке и истории абхазов*. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1938.
- Меликсет-Беков 1925 — Меликсет-Беков Л. М. К археологии и этнологии Туальской Осии (из материалов первой поездки в «Юго-Осетию», 17–31 октября 1924 г.). *Труды Закавказской научной ассоциации*. Сер. I., вып. 1: Материалы по изучению Грузии. Юго-Осетия. Тифлис: Тип. газеты «Заря Востока», 1925. С. 252–279.
- Миллер 1946 — Миллер Б. В. Труды русских ученых в области иранского языкознания. *Ученые записки Московского государственного университета*. 1946, 107 (Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры) 3, кн. 2: 71–85.
- Миллер 1881 — Миллер В. Ф. *Осетинские этюды*, часть первая: Осетинские тексты. [Ученые записки Императорского Московского университета, отдел историко-филологический, выпуск первый]. М.: Тип. Ф. Б. Миллера, 1881.
- Миллер 1886 — Миллер В. Ф. Эпиграфические следы иранства на Юге России. *Журнал Министерства народного просвещения*, шестое десятилетие, часть ссxlvii. 1886, (Октябрь): 231–283.

- Миханкова 1949 — Миханкова В. А. *Николай Яковлевич Марр. Очерки его жизни и научной деятельности*. 3-е изд., испр. и доп.. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949.
- Немировский 1928 — Немировский М. Я. Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики / Aus der Vergangenheit und Gegenwart der Kaukasischen Sprachwissenschaft (Посвящается памяти Гуго Шухардта / Dem Andenken Hugo Schuchardts gewidmet). *Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения* [Мартirosian Г. К., Раздорский В. Ф., Семёнов Л. П. (ред.)]. 1928, (1): 299–348.
- ОНИИК — Осетинский научно-исследовательский институт краеведения (возникновение института и его задачи). *Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения*. 1925, (1): I–III.
- Отчеты — Отчеты о деятельности Осетинского историко-филологического общества за все время его существования (28 апр. 1919 — 1 мар. 1925 г.). *Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения*. 1925, (1, июнь) 400–488.
- Хроника — Хроника. Отчеты о деятельности Осетинского историко-филологического общества за все время его существования (28 апр. 1919 — 1 мар. 1925 г.). *Известия СОИГСИ*. 2007, 1 (40): 146–192.
- Черных 1929 — Черных П. Я. *I. Современные течения в лингвистике; II. Русский язык и революция*. Иркутск: Тип. изд-ва «Власть труда», 1929.

Литература

- Абаев 1937 — Абаев В. И. Н. Я. Марр и осетиноведение. В сб.: *Язык и мышление*. Т. 8 (Языки Евразии в работах Н. Я. Марра). М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937. С. 201–207.
- Абаев 1949 — Абаев В. И. *Осетинский язык и фольклор*. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949.
- Абаев 1962 — Абаев В. И. История изучения осетинского языка в России и СССР. I. Дореволюционный период. Расторгуева В. С. (отв. ред.). В кн.: *Очерки по истории изучения иранских языков*. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. С. 84–89.
- Алборов 2005 — Алборов Б. А. *Некоторые вопросы осетинской филологии*. Кн. 2. Хамицаева Т. А. (сост., ред.). [Первое издание: Алборов Б. А. Всеволод Федорович Миллер как лингвист-осетиновед (Род. 7–IV 1848 г., скончался 5–XI 1913). *Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения*. 1925, (1, июнь): 383–399.] Владикавказ: Изд.-полигр. предприятие им. В. А. Гассиева, 2005.
- Алпатов 2006 — Алпатов В. М. Предисловие. В кн.: Абаев В. И. *Статьи по теории и истории языкознания*. М.: Наука, 2006. С. 5–15.
- Бобринская 1998 — Бобринская Е. «Скифство» в русской культуре начала XX века и скифская тема у русских футуристов. *Искусствознание. Журнал по истории и теории искусства*. 1998, (1): 445–467.
- Боголюбов 2000 — Боголюбов М. Н. Слово о В. И. Абаеве — иранисте и этимологе (к торжественной дате столетия со дня рождения ученого). В сб.: *Василию Ивановичу Абаеву 100 лет*. Сб. ст. по иранистике, общему языкознанию, евразийским культурам. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 63–66.
- Гуриев 2008 — Гуриев Т. А. Всеволод Миллер и осетинское языкознание. *Известия СОИГСИ*. 2008, 2 (41): 23–29.
- Исаев 1962 — Исаев М. И. История изучения осетинского языка в России и СССР. II. Советская эпоха. В сб.: *Очерки по истории изучения иранских языков*. Расторгуева В. С. (отв. ред.). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. С. 89–99.
- Исаев 1980 — Исаев М. И. *Васо Абаев. К 80-летию со дня рождения*. Орджоникидзе: Ир, 1980.
- Исаев 2000 — Исаев М. И. *Василий Иванович Абаев*. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2000.
- Исаев 2009 — Исаев М. И. Крупнейший представитель русской филологической науки конца XIX в. и начала XX в. академик Вс. Ф. Миллер (к 160-летию со дня рождения ученого). *Вопросы языкознания*. 2009, (2): 117–123.
- Канукова 2011 — Канукова З. В. 85 лет научного поиска. *Осетиноведение — от прошлого к будущему*: м-лы юбилейной науч. конф., посвященной 85-летию со дня основания института и 110-летию со дня рождения В. И. Абаева (2–3 декабря 2010 г.). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. С. 7–26.

- СОИГСИ 100 лет — *СОИГСИ 100 лет*. Канукова З. В., Кцова С. Г. (ред.). Владикавказ: Сев.-Осетин. ин-т гуманитар. и соц. исслед. им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН, 2019.
- Петренко, Штайн 2017 — Петренко Д. И., Штайн К. Э. *Лингвистическая палеонтология культуры: языкознание. Кавказоведение*. Ростов н/Д.: Полиграф-Сервис, 2017.
- Робинсон 2013 — Робинсон М. А. Первый Международный съезд славистов в Праге: надежды, разочарования и неосуществленные проекты (по м-лам переписки русских славистов). В сб.: *Славянский мир: общность и многообразие*. К 1150-летию славянской письменности (20–21 мая 2013 г.). Междунар. науч. конф.: тезисы. Никифоров К. В. (отв. ред.). М.: Ин-т славяноведения Рос. акад. наук, 2013. С. 80–85.
- Робинсон, Стыкалин 2020 — Робинсон М. А., Стыкалин А. С. Отчет о командировке советских ученых на международное совещание славистов в Белграде 1955 году. *Славяноведение*. 2020, (4): 110–127.
- Чибиров 2000 — Чибиров Л. А. *Встречи с Васо Абаевым*. Владикавказ: Ир, 2000.
- Шнирельман 2006 — Шнирельман В. А. *Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке*. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
- Bertrand 2002 — Bertrand F. *L'anthropologie soviétique des années 20–30. Configuration d'une rupture* (Collection «Études Culturelles»). Bordeaux: Presses Universitaires, 2002.
- Heinekamp 1992 — Heinekamp A. Gottfried Wilhelm Leibnitz (1646–1716). Dascal M. et al. (eds). *Sprachphilosophie. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung — Philosophy of Language. An International Handbook of Contemporary Research — La philosophie du langage. Manuel international des recherches contemporaines*. Vol. 1. Berlin; New York: De Gruyter, 1992. P. 320–330.

Статья поступила в редакцию 20 мая 2023 г.
Статья рекомендована к печати 3 ноября 2023 г.

Vittorio Springfield Tomelleri

University of Turin,
18, Via Sant'Ottavio, Turin, 10124, Italy
vittoriospringfield.tomelleri@unito.it

G. A. Dzagurov and the Japhetic theory of academician N. Ya. Marr: Commented re-edition of the text*

For citation: Tomelleri V. S. G. A. Dzagurov and the Japhetic theory of academician N. Ya. Marr: Commented re-edition of the text. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024, 21 (1): 224–251. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.112> (In Russian)

The present work introduces to the annotated re-edition of an article written by the prominent Ossetian scientist, folklorist and teacher Grigory Alekseevich Dzagurov (1888–1979), which was published in 1924 under the title “The Japhetic Theory of Academician N. Ya. Marr and the Question of the Origin of the Ossetians”. The text, reproduced in a new annotated version with identification of the sources used by the author, introduces to the new linguistic theory promoted by Academician N. Ya. Marr (1864–1934), postulating the relationship between Hamito-Semitic and Kartvelian languages as well as the idea of linguistic mixing and crossing. By deliberately overusing direct quotations from the works of the creator of Japhetic linguistics, Dzagurov gives a brief overview of the main provisions of Marr’s linguistic theory, showing its direct relation to the question of the dual nature, Indo-European (Iranian) and Japhetic, of Ossetic. At that time, as is well known, linguistic arguments were readily provided when

* This article is theoretically and methodologically related to the scientific project supported by the PNR Foundation — Missione 4 “Istruzione e Ricerca” — Componente C2 Investimento 1.1 “Fondo per il Programma Nazionale di Ricerca e Progetti di Rilevante Interesse Nazionale (PRIN)”. Decree no. 104 dated 02-02-2022 (CUP H53D23006810006).

discussing thorny questions about the ethnogenesis of peoples. Overall, Dzagurov's article has historical significance in many respects. Firstly, it testifies to the reception of the Japhetic stage of Marr's linguistic theory (that is, before the emergence of the New Doctrine of Language) with respect to the study of the Iranian linguistic world in the Northern Caucasus. Secondly, such ideas about the phenomena of the Caucasian substrate and language mixing were skillfully developed over the following decades by one of the best students of Marr, V. A. Abaev (1900–2001), who identified numerous Caucasian elements in the Ossetian language at all language levels. Finally, it is interesting to notice that it was Dzagurov who gave a recommendation on Abaev's application for admission to the Petrograd State University, thus indirectly contributing to the onset of an important stage in the history of Ossetian studies and, in general, Soviet linguistics.

Keywords: Ossetic, G. A. Dzagurov, N. Ya. Marr, V. I. Abaev, Japhetic Theory.

References

- Абаев 1937 — Abaev V. I. N. Ya. Marr and Ossetian studies. In: *Iazyki i myshlenie*. Vol. 8. (Iazyki Evrazii v rabotakh Marra). Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1937. P. 201–207. (In Russian)
- Абаев 1949 — Abaev V. I. Ossetian language and folklore. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1949. (In Russian)
- Абаев 1962 — Abaev V. I. History of the study of the Ossetian language in Russia and the USSR. I. Pre-revolutionary period. Rastorgueva V. S. (chef ed.). In: *Ocherki izucheniia iranskikh iazykov*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1962. P. 84–89. (In Russian)
- Алборов 2005 — Alborov B. A. *Some questions of Ossetian philology*. Book 2. Khamitsaeva T. A. (comp., ed). [First edition: Alborov B. A. Vsevolod Fedorovich Miller as an Ossetian linguist (Born 7–IV 1848, died 5–XI 1913). *Izvestiia Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniia*. 1925, (1, June): 383–399.] Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraphicheskoe predpriatie imeni V. A. Gassieva Publ., 2005. (In Russian)
- Алпатов 2006 — Alpatov V. M. Introduction. In: Abaev V. I. *Stat'i po teorii i istorii iazykoznaniiia*. Moscow: Nauka Publ., 2006. P. 5–15. (In Russian)
- Бобринская 1998 — Bobrinskaia E. “Scythianism” in Russian culture of the early 20th century and the Scythian theme among Russian futurists. *Iskusstvoznanie. Zhurnal po istorii i teorii iskusstva*. 1998, (1): 445–467. (In Russian)
- Боголюбов 2000 — Bogolyubov M. N. A word about V. I. Abaev, an Iranian scholar and etymologist (on the solemn date of the centenary of the scientist's birth). In: *Vasiliiu Ivanovichu Abaevu 100 let. Sbornik statei po iranistike, obschemu iazykoznaniiu, evraziiskim kul'turam*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. P. 63–66. (In Russian)
- Гуриев 2008 — Guriev T. A. Vsevolod Miller and Ossetian linguistics. *Izvestiia SOIGSI*. 2008, 2 (41): 23–29. (In Russian)
- Исаев 1962 — Isaev M. I. History of the study of the Ossetian language in Russia and the USSR. II. Soviet era. In: *Ocherki po istorii izucheniia iranskikh iazykov*. Rastorgueva V. S. (chef ed.). Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1962. P. 89–99. (In Russian)
- Исаев 1980 — Isaev M. I. *Vaso Avaev. To the 80th birthday*. Ordzhonikidze: Ir Publ., 1980. (In Russian)
- Исаев 2000 — Isaev M. I. *Vasilii Ivanovich Abaev*. 2nd ed. Moscow: Nauka Publ., 2000. (In Russian)
- Исаев 2009 — Isaev M. I. The major representative of Russian philological science of the late 19th and the beginning of the 20th century. *Academician Vs. F. Miller (on the 160th anniversary of the scientist's birth)*. *Voprosy iazykoznaniiia*. 2009, (2): 117–123. (In Russian)
- Канукова 2011 — Kanukova Z. V. 85 years of scientific research. In: *Osetinovedeniie — ot proshlogo k budushchemu. Materialy iubileynoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 85-letiiu so dnia osnovaniia instituta i 110-letiiu so dnia rozhdeniia V. I. Abaeva (2–3 dekabria 2010 g.)*. Vladikavkaz, 2011. P. 7–26. (In Russian)

- СОИГСИ 100 лет — *SOIGSI 100 years old*. Kanukova Z. V., Ktsoeva S. G. (eds). Vladikavkaz: Severo-Osetinskii institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniï imeni V.I. Abayeva VNTS RAN Publ., 2019. (In Russian)
- Петренко, Штайн 2017 — Petrenko D. I., Stein K. E. *Linguistic paleontology of culture: linguistics. Caucasian studies*. Rostov-on-Don: Poligraf-Servis Publ., 2017. (In Russian)
- Робинсон 2013 — Robinson M. A. The First International Congress of Slavists in Prague: hopes, disappointments and unfulfilled projects (based on correspondence of Russian Slavists). In: *Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie. K 1150-letiiu slavianskoi pis'mennosti (20–21 maia 2013 g.)*. Nikiforov K. V. (chef ed.). Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia: tezisy. Moscow, 2013. P. 80–85. (In Russian)
- Робинсон, Стыкалин 2020 — Robinson M. A., Stykalin A. S. Report on the trip of Soviet scientists to the international meeting of Slavists in Belgrade in 1955. *Slavianovedenie*. 2020, (4): 110–127. (In Russian)
- Чибиров 2000 — Chibirov L. A. *Meetings with Vaso Abaev*. Vladikavkaz: Ir Publ., 2000. (In Russian)
- Шнирельман 2006 — Shnirel'man V. A. *To be Alans. Intellectuals and politics in the North Caucasus in the 20th century*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006. (In Russian)
- Bertrand 2002 — Bertrand F. *L'anthropologie soviétique des années 20–30. Configuration d'une rupture* (Collection «Études Culturelles»). Bordeaux: Presses Universitaires, 2002.
- Heinekamp 1992 — Heinekamp A. Gottfried Wilhelm Leibnitz (1646–1716). Dascal M. et al. (eds). *Sprachphilosophie. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung — Philosophy of Language. An International Handbook of Contemporary Research — La philosophie du langage. Manuel international des recherches contemporaines*. Vol. 1. Berlin; New York: De Gruyter, 1992. P. 320–330.

Received: May 20, 2023

Accepted: November 3, 2023

Наборное переиздание текста статьи
 «Яфетическая теория академика Н. Я. Марра и вопрос
 о происхождении осетин и осетинского языка»
 (Le théorie Japhétique de l'académicien N. J. Marr et la question
 de l'origine d'Osséthie et de la langue ossette).

Г. А. Дзагуров
 G. A. Dzagouroff.

{с. 59} Вопрос о происхождении человечества и его разных представителей относится к числу таких вопросов, которые имеют многовековую и даже тысячелетнюю историю, но до сих пор не получил еще своего разрешения, так как для этого нет пока достаточных научных данных. В той части человеческого знания, т. н. гуманитарных наук, которая занимается разрешением вопроса о происхождении человечества и которая известна под названием сравнительного языкознания (или языковедения), до настоящего времени существует деление всего человечества по языку на следующие большие группы: семья индо-европейских языков, семья семитических языков, семья урало-алт. языков, семья финских языков и др.

Из всех групп наиболее изученными {так} в научном отношении является семья индо-европейских языков, что станет понятным, если принять во внимание культурное первенство и владычество европейских народов и государств. Вопрос об едином источнике происхождения всех языков остается открытым; он не может быть разрешен при современном состоянии науки о языке. Сравнительное языкознание, под которым преимущественно имеется в виду индо-европейское языкознание, развилось в течение всего XIX века, и ему мы обязаны тем, что установлен факт родства и происхождения всех индо-европейских языков от одного праязыка; но внутри самой семьи индо-европейских языков не все языки находятся в одинаковой степени родства друг к другу. В виду этого индо-европейские языки делятся на несколько групп, напр., индо-иранская, греческая, итало-кельтская, германская, балтийско-славянская, албанская и армянская. Степени родства устанавливаются путем сравнения, как словарного, так и других материалов.

Осетинский язык, который нас в данном случае больше всего интересует, был отнесен к иранской группе языков, в которую вошли из живых языков персидский, курдский, {с. 60} афганский и некоторые другие, а из мертвых: язык Авесты и древне-персидский и, кроме того, язык тех иранских обитателей Юга России, которые известны были под разными именами и язык которых сохранился в греческих надписях. Иранство осетинского языка было окончательно утверждено в науке трудами академика Вс. Миллера. После него казалось, что вопрос решен окончательно, а между тем мы теперь являемся свидетелями того, как этот вопрос снова всплывает перед нами, благодаря новой яфетической теории академика Марра. Название теории происходит от слова Яфет, имени третьего сына Ноя. Сущность теории сводится к следующему:

1) яфетическое языкознание, вопреки индо-европеистической лингвистике, т. е. господствующей теории об языках, ставит во главу угла вопрос о происхождении речи и о возникновении ее типов и различных языков, учение о происхождении языков от скрещения не только межплеменного в кругу одной расы, представленной яфетическими

языками, но и двурасового, когда скрещиваются языки различных рас для образования нового типа¹⁴;

2) для правильной разработки яфетидологической теории скрещения большое значение присуще наблюдению того же процесса и в языках, выходящих материально за круг компетенции яфетического языкознания;

3) кроме важности теории скрещения для основных генетических вопросов о человеческой речи, яфетическое языкознание намечает и общественно-практическое значение теории о скрещении: «с одной стороны, возможностью проследить в прошлом этапы типологического развития человеческой речи и получения новых<, > более совершенных видов, путем скрещения, с другой стороны, положением, что только в путях того же естественно-исторического процесса(.) скрещения, и возможна в будущем выработка совершеннейшего языка, в конечной эволюции единого, яфетическое языкознание не только подходит теоретически к постановке того же вопроса, какой мировая жизнь все более и более выдвигает в силу практических потребностей, — вопроса об едином вселенском языке, но в своих специальных изысканиях накапливает материалы для его правильного, наиболее жизненного решения»¹⁵ {Марр 1922б: VI–VII};

4) «яфетидология пока обосновывается на лингвистической теории, создаваемой яфетическим языкознанием;¹⁶ языковые взаимоотношения яфетических народов выяснились и на толковании терминов общественности, терминов бытовых, значительно меньше названий вещественных памятников, но независимого яфетидологического освещения материальной культуры народов пока нет и не могло (бы) быть по малочисленности работников, знакомых с теорией яфетического языко|знания {с. 61}, по недостаточности разработки яфетического языкознания соответственно подлежащим его ведению богатым материалам и выдвигаемым ими проблемам» {Марр 1922б: VII};

5) «в круге пройденных языками этапов развития<, > вопрос идет не только о кавказских типичных скрещенных видах — двух яфетическо-индоевропейских языках Армении, но и яфетическо¹⁷-индоевропейских языках Европы». Необходимо «установить степень и характер скрещения с языками первоначального средиземноморского населения тех видов индоевропейской речи, которые лежат в основе классических языков, греческого и латинского, романских и других. В числе этих других намечается и русский язык, на который оказали влияние яфетические племена и яфетические племенные языки Кавказа, исконные и древнейшие на Юге России»¹⁸ {Марр 1922б: IX};

6) яфетическое языкознание выясняет до возможной углубленности яфетическо-семитические и семитическо-хамитические языковые взаимоотношения;

7) «в связи с палеонтологическими вопросами, выдвигаемыми яфетическими языковыми материалами, в частности вопросом о возникновении различных типов челове-

¹⁴ Примером второго типа служили армянский и осетинский языки, тогда как для первого, к которому относились, например, сванский и цова-тушинский (бацбийский) языки, Марр подчеркивал «совершенно исключительное положение среди всех яфетических языков» абхазского языка, представлявшего собой «внутренний яфетический гибридный тип» [Марр 1926б: 144; 1938: 239]; о наличии смешанных языков двух типов см. также: [Немировский 1928: 320].

¹⁵ Фрагмент этой цитаты, показывающей двойкий интерес (теоретический и общественно-практический) изучения процессов скрещения, читается также в статье ревностного сподвижника марризма Левона Геворковича Башинджагяна (1893–1948), посвященной Институту языка и мышления им. Н. Я. Марра [Башинджагян 1937: 252].

¹⁶ В оригинале точка.

¹⁷ Так в оригинале, в статье Г. А. Дзагурова *яфетически*.

¹⁸ В оригинале это предложение звучит так: «И несмотря на такое игнорирование яфетических племен и яфетических племенных языков Кавказа, исконных и во всяком случае древнейших на Юге России...»

ской речи, возрастает потребность в выяснении типологических расхождений и сходств или тождеств <—> яфетических языков и генетически не(-)родственных с ними или пока не дающих достаточных оснований для признания такого родства. Яфетические языки с их замечательно ярко выступающими напластованиями до(-)исторических пережитых эпох в лингвистической жизни народов узаконяют возможность плодотворной работы над действительно жизненным процессом развития языка. Намечаются вторичные этапы перерождения одних типов в другие и третичные рождения новых видов путем скрещивания, и это открывает исследователю путь до исходного момента, до эпохи возникновения речи; с другой стороны, те же языки ему открывают материально факт нарастания новых языков путем скрещивания и постепенного увеличения сознательного момента в творчестве речи в ущерб инстинктивному, особенно в развитии письменной речи; исследование языка выявляет элементы искусственного взращения речи, и получаются перспективы возможности усилить культурно-созидательное давление над процессом развития речи, не ослабляя в ее творчестве значения этнокультурных данных, а усиливая осознанием их роли, и ускорить наступление медленно, но бесповоротно надвигающейся далекой эпохи, когда путем скрещивания возникает единая мировая речь» {Март 1922б: X–XI};

8) яфетическое языкознание для последней цели направляет дело в русло научного обоснования, потребной техникой и подготовкой материалов путем обстоятельного и исчерпывающего исследования скрещивания как фактора типологических {с. 62} перерождений яфетических и мешанных с ними языков и образования различных их видов, от простых до самых сложных и совершенных, мировых;

9) научная работа, по новой теории, определяется «задачей изучать яфетическую расу на основании яфетического языкознания, естественно, с использованием антропологических и этнологических данных по народам и племенам того же происхождения и устанавливать наличие элементов, прежде всего лингвистических, в скрещенных типах (языков) Азии и особенно Европы. Отсюда неизбежные занятия по разработке теории скрещивания и его роли в творчестве человеческой речи и в рождении ее новых типов и видов. Насколько человечество продолжает творить свою речь и постепенно усиливает осознанность творчества в путях скрещивания, теоретические изыскания техники перерождений речи в прошлом становятся подготовительной работой для решения проблемы об имеющем возникнуть едином языке человечества установлением процесса скрещиваний¹⁹ в будущем» {Март 1922б: XII–XIII}.

«Яфетическая семья языков делится на две ветви: сибилантную и спирантную и особую группу, или особую ветвь, гибридных языков.

А. Сибилантная ветвь выяснена в составе двух давно определившихся групп свистящей и шипящей. На языках этой ветви говорят Южно-Кавказские яфетиды, или народы мескийской водораздельной ветви яфетидов, причем у народов материковой группы, следовательно, — у картвелов (грузин)²⁰, природная речь (—) язык свистящей группы, а у мегрелов, как и у чанов, т. е. у народов приморской группы, — язык шипящей группы. Сюда, в силу исторической связи, более относится один из гибридных языков, спирантно-сибилантных, язык ныне материкового перевального народа, именно сванский язык, в составе которого один слой сибилантной шипящей группы.

Б. Спирантная ветвь до нас дошла в трех исторически образовавшихся и осложнившихся, топографически разлученных развет(в)лениях. Эти развет(в)ления следующие: а) лезгинское, на многочисленных языках которого, распадающихся на группы с наречиями и говорами, говорят народы Дагестана и вообще восточно-бассейные, каспийские

¹⁹ В тексте статьи *скрещивания*.

²⁰ В данном случае текст в круглых скобках — в источнике.

яфетиды; б) чеченское в составе собственно чеченского или начхойского, ингушского или кистинского и цоватушинского языков, на которых говорят материковое ответвление двухбассейной, Понто-каспийской ветви яфетидов — плоскостные чечены на чеченском, и перевальное ответвление Кавказской водораздельной ветви яфетидов — чеченцы — горцы, ингуши и кисты (юж||ные {с. 63} чеченцы)²¹ на чеченском и цоватушинцы на тушинском; с) адигейское, или, что то же, дзихское, на наречиях которого говорят различные народности и племена приморской-Понтийской группы двухбассейной ветви яфетидов. И сюда примыкают, в силу исторической связи, особенно же по генетической своей связи с адигейским языком, гибридные языки абхазский и убыхский, родные языки народов Понтийской приморской группы двухбассейной ветви яфетидов» {Март 1920: 17}²².

Все перечисленные группы народов относятся к чистым яфетидам. Причем при определении происхождения того или иного народа определителем племенной природы независимо от языка, притом более консервативным, а потому и более показательным и надежным, является народная в точном смысле этого термина религия. В связи с этим акад. Март первоочередное значение придает раскрытию племенных религиозных верований или их пережиточных элементов в бытовом проявлении культурно усвоенной определенной мировой религии. Далее акад. Март вопрос ставит еще шире. Он говорит, что «при выяснении такого этнического детерминанта, как язык, надо считаться не только с природной речью населения, равно со сроднившейся бытовой, но и с культурным языком или культурными языками, когда у народа, уже нации, оказывается особый язык для той или иной стороны его культурной жизни, для гражданской и религиозной. И тогда, когда цели<, > — отвлеченно(-)научные, без назначения применить собираемые данные практически в государственном строительстве, исходить приходится из известной величины, из национальности, т. е. действительно наличных племенных и социальных объединений, чтобы дойти до неизвестного, до этнической первобытности, до определения действительного племенного состава, всегда скрещенного и мешаного. Не только определители — физический тип, язык, религия и хозяйственный быт, но и материальные, и духовные признаки социального типа, с одной стороны — хозяйства, жилища и постройки, одеяния и убранство, пища, с другой — культ, музыка, народная словесность и т. д. должны быть прослежены по(-)сословно» {Март 1920: 21–22}.

Особое значение в ряду других факторов академик Март придает сословиям среди кавказских народностей. «При характеристике отношения живых народных производительных сил к хозяйственно-экономическому укладу недостаточно учета лишь эт(н)ического состава населения. Необходимо ввести в таблицы и указание социальных слоев. Реальный, притом бесспорно первенствующий интерес присущ данным этого порядка, когда от нас требуется<, > дать ясное и соответствующее действительности представление о природе эт(н)ических {с. 64} факторов культурного самоопределения того или иного народа.

Сословия на Кавказе некогда представляли собой различные этнические единицы, каждое с(ть) своим особым племенным языком» {Март 1920: 24}.

Я позволил себе привести большое число цитат из новейших работ академика Марта, чтобы яснее представить развиваемую им яфетическую теорию.

Из приведенных цитат видно, насколько серьезна эта теория и насколько она расширяет рамки наших представлений о происхождении языка и отдельных народов. Приведем в более стройную форму основные положения яфетической теории, прежде чем говорить о том, каково по этой теории происхождение осетинского языка и народа.

²¹ В данном случае текст в круглых скобках — в источнике.

²² Эта цитата приводится также в монографии [Петренко, Штайн 2017: 253–255].

- 1) яфетическая теория оперирует пока преимущественно над лингвистическими данными;
- 2) она выросла на почве изучения кавказских языков и в результате своего роста вышла из кавказских территориальных границ, когда открылись яфетические языки на Западе — баскский язык и на Востоке на Памире — буришский, или вершицкий, язык;
- 3) языки по яфетической теории делятся на яфетические и мешаные, или гибридные;
- 4) яфетический слой может быть и должен быть прослежен во всех языках (живых и мертвых);
- 5) основным процессом признается по яфетической теории скрещение языков, а потому необходимо в каждом отдельном случае исследовать процесс фактической и специальной его роли в генезисе отдельных видов или целых типов;
- 6) яфетическая теория скрещения дает возможность вырешить вопрос о первоначальном возникновении человеческой речи и о возможности образования таким же способом одного языка для всего человечества.

II

Перейдем теперь непосредственно к более близкому, а потому и более интересному для нас вопросу.

К коренным обитателям Кавказа, притом древнейшим, акад. Марр наравне с другими народами причисляет и осетин. Вопросу о происхождении осетин академик Марр не посвятил отдельного труда, если не считать двух его статей «Ossetica-japhetica» {Марр 1918а; 1918б; 1927} и «Термин скиф» {Марр 1922а}, посвященной памяти Вс. Ф. Миллера. Несмотря на это в разных местах своих трудов акад. Марр неоднократно высказал свою точку зрения на происхождение осетин. Приведу эти места.

«К коренному населению Кавказа, — говорит академик {с. 65} Марр в одном месте, — по этнически-лингвистическим данным, относятся яфетиды чистого и мешаного типа, т. е. народы яфетической семьи, и яфетическо-ариоевропейской. К подобной категории коренного населения, по всей видимости, относятся и кавказские иранцы; на севере таковыми являются осы, или осетины [иры], на юге курды. Этническо-лингвистические их признаки пока не доследованы до требуемой глубины. Однако общность многих материальных языковых явлений [фонетика, лексика, особенно в образной части семасиологии] и быта северных иранцев, именно осетин, с северо-кавказскими и соседящими с юга яфетидами, а южных иранцев, т. е. курдов, с яфетидо-ариоевропейцами, склоняют к положительному ответу на вопрос об этнической принадлежности обеих народностей к коренному населению Кавказа, т. е. к яфетидам, несмотря на иранскую природу их родной речи» {Марр 1920: 24}.

«При определении племенного состава обеих народностей особого интереса заслуживает социальный состав каждой из них, притом у курдов не только сословный, но и классовый. Этнологический подход, в частности для выделения определенных этнических элементов, требует проверки по сословиям признаков яфетидизма и иранизма во всех областях народной жизни. Во всяком случае указанные признаки ставят вопрос о том, имеем ли в этих двух племенах в составе кавказского населения автохтонов-яфетидов, усвоивших иранский язык той или иной группы, или они чистые ариоевропейцы иранской ветви, натурализовавшиеся в крае с усвоением некоторых языковых и бытовых черт окружающей племенной среды, на севере — яфетической, на юге (—) яфетическо-ариоевропейской. На севере, т. е. в части об осетинах, мы стоим перед узловым аланским вопросом, а на юге, т. е. поскольку дело касается курдов, в спорном народе намечается

наличие автохтонов-яфетидов одного корня с автохтонами-яфетидами Армении. Следовательно, в таком случае курды-автохтоны, первоначально яфетиды, вместе с автохтонами-яфетидами Армении, в процессе ариоевропеизации подверглись сильному влиянию языков Ирана, с той особенностью, что иранизация курдской речи, очевидно, и территориально ближе расположенной к иранскому миру, выражена в более сильной степени, и на курдскую речь влиял персидский язык в сравнительно новой, позднейшей стадии развития» {Март 1920: 24–25}.

В связи с этим вопросом стоит в тесной связи вопрос о том, кто первый появился на Кавказе и откуда. На этот вопрос академик Март дает следующий ответ: «Коренные кавказские народы, даже коренные кавказские языки, есть явление не местного происхождения: яфетическая семья, к которой принадлежит первоначальное население Кавказа(,) {с. 66} здесь пришлые люди, так же, как появившиеся затем последовательно ариоевропейцы и турки, не говоря о других не внедрявшихся целыми племенами народных массах, с тем однако различием, что яфетическая семья эмигрировала с соседящей с юга прежней территории ее расселения, если не прародины, из Месопотамии, естественно разливаясь этническими массами в близлежащие кавказские страны. Яфетиды двинулись некогда, и не в один прием, для вселения в Кавказский край под давлением ариоевропейских иммиграций, напиравших на центр их первоначальной исторической жизни, причем отходившие яфетиды в движении своем устремлялись, стущая или уплотняя свои эмиграционные колонны, между прочим и в северные для них области Кавказа, куда они двигались вообще в составе многочисленных исторически сложившихся народов и племен.

Кавказская территория была распределена между ними. В дальнейшем местные топографические условия и историческая в них жизнь с рядом передвижений сильно повлияли на картину расселения племен Кавказа» {Март 1920: 10–11}. В другом месте академик Март говорит, что «особенно сильно влияли в более древние эпохи на существо картины расселения довольно частые перерождения одних народов в другие и попутно новые внутренние осложнения племенного состава, нарождения новых, гибридных, иногда сугубо->гибридных, типов.

В связи с этим, для кавказской этнографии, да и вообще для истории кавказской общественности и культуры имеет существенное значение разработка теории о гибридизации и установление ее типов и эпох, в частности установление того, не было ли завершившегося уже процесса гибридизации племен и народов Кавказа до вселения их на нашу территорию, и если был такой процесс гибридизации и раньше, до эмиграции²³ их с прародины, хотя бы лишь протоисторической или даже исторической первостоянки на месопотамском или малоазийском юге, то какого типа. Но общее распределение на кавказской территории яфетических народов и племен, первоначально еще более многочисленных, чем ныне, восходит к начальному периоду иммиграций²⁴, и распределение указывает на выбор местностей по их физическому характеру» {Март 1920: 12}.

В другом своем труде, касаясь того же вопроса, академик Март ставит вопрос: «не являлась ли вся кавказская гео-этническая единица, вся территория Кавказа мировым источником оплодотворения племенной природы человечества» {Март 1922в: 38}²⁵. От-

²³ В тексте статьи *иммиграции*.

²⁴ В тексте статьи *иммиграции*.

²⁵ Такая же цитата, наряду с другими, приводится также в газетной статье грузинского эмигранта Зураба Давидовича Авалишвили (1876–1944) «Гора языков» по поводу лингвистического и этнического многообразия Кавказа [Авалишвили 1937: 10] и в работе Ивана Никитича Коноводова (1885–1967) «Казачий народ», в связи с громадным значением скопления многочисленных этнических групп «для истории перерождений племенного состава населения» даже за пределами самого Кавказа [Коноводов 1965: 28].

мечая в осетинском языке целый ряд терминов яфетического происхождения (Gumiri, mykalgabyrta, æfsati, kadæg и т. д.), академик Марр полагает, что 1) «осетины, не()смотря на иранский их язык, являются одним из видовых представителей кавказских этнографических типов» {Марр 1918а: 2070}; во-2) «при ис|следовании {с. 67} осетинской речи нельзя было не поставить на первом плане вопроса об его отношении к коренным кавказским языкам, с которыми он сожительствует в весьма интимном общении многие (и многие) сотни лет» {Марр 1918а: 2071}; в 3-м), «прежде всего важно установит(ь) и признать общность явлений этнографического порядка у осетин с яфетидами, независимо от того, тождественны ли названия таких явлений, и, если тождественны, яфетического ли они или неяфетического происхождения. Так, напр<имер>(.), нельзя не отметить, что осетинские представления о богах и их культ воспроизводят религиозные верования сванов, абхазов и черкесов; особенно интересно представление осетин о долево́м боге, наблюдаемое в сильном развитии у абхазов» {Марр 1918а: 2075}, в 4-м) вопрос идет «не об одних грузинах или (хотя бы) сванах, и не об одних словах и терминах, а о всем духовном складе осетин, как входящих с требующей еще более точного установления, но все-таки весьма давней эпохи в состав кавказского населения и разделяющих с ним особенности местной кавказской народной психологии до степени выражения ее и в родной речи, в ее фонетических, морфологических и особенно в семасических и синтаксических особенностях. Даже<,> если бы это²⁶ была простая аналогия, и то было бы интересно отметить, что как “в дигорском [наречии осетинского языка] весьма свободно между глаголом и предложной приставкой вставляется дополнение”²⁷, так обстоит дело в сванском и в древнелитературном языке грузин, а также пережиточно и в средневековой литературной речи тех же грузин, месхской природы, ярче всего у поэта Шоты из Рустава, месха, т. е. в разновидностях грузинского литературного языка, находящихся в особо генетически интимных отношениях со сванским. Ведь это и подобные ему явления важны не только для общего вопроса об осетинском, но и для определения его наречий и говоров и для правильной их характеристики» {Марр 1918а: 2076–2077}; в 5-м) «может оказаться, — говорит академик Марр в другом месте, — да, по всей видимости, это так и есть, что в известной мере на каждое из (главных) наречий и говоров осетинского языка влияла соседящая яфетическая группа. И независимо от вопроса вообще о влияющей стороне, ведь не менее интересно имет(ь) представление о степени влияния именно осетинской речи на соседние. Само деление этой речи на ир(л)он(л)ское и дигорское наречия и туальский говор находится, судя по всему, в некоторой зависимости²⁸ от первоначального состава этнической среды, в которую внедрилс яриоевропейский язык, на Кавказе все<->таки пришлый, как бы давно он ни был занесен²⁹, все<->таки не(-)коренной местный, хотя и иранский или именно потому, что он иранский. Названия³⁰ трех групп “ирская” или “иранская”, “дигорская” или “дигоронская” и “туальская” говорят о троичности местной до(-)иранской этнической {с. 68} подосновы, поскольку в определяющих эти группы эпитетах имеем этнические термины яфетического происхождения, в названии “дигор” форму мн. числа плавного типа с наращением³¹ суффикса -or(>)-ur на основу со сросшимся

²⁶ В тексте статьи ошибочно *эта*.

²⁷ В оригинале ссылка на работу [Миллер 1881: 130].

²⁸ В тексте статьи ошибочно *независимости*.

²⁹ В тексте статьи ошибочно *записан*.

³⁰ В тексте статьи единственное число — *Название*.

³¹ В тексте статьи ошибочно *нарушением*.

с ней³² показателем³³ множественности g: di+g-or || də+g-ur³⁴. В том и другом отношении важна соответственная классификация материалов, освещающих взаимоотношения осетинской речи с яфетическими языками. И в первую очередь материалы эти следовало бы распределить по группам, характеризующим взаимоотношения чечено-осетинские, черкесо-осетинские, точнее а(-)диге-осетинские, свано-осетинские и грузино-осетинские» {Март 1918а: 2077}; в 6-м) «было бы однако большим недоразумением предполагать, что нынешними соседствами вполне исчерпывается тот круг яфетических народов, который окаймлял осетин и в древности и находился <с ними> в непосредственном (с ними) общении» {Март 1918а: 2077}. К таким народам академик Март кроме картвелов, лезгин, адиге причисляет армян и мегрелов. Далее академик Март очень подробно останавливается на осетинском термине «Пакондзи», сближает его с разными яфетическими терминами и в конце статьи «Ossetica-japhetica» делает следующий вывод:

«Зарегистрирование такого яфетического термина в осетинской живой старине, в осетинских сказаниях, есть первый случай, но и этот один случай настолько показателен, что вынужден суждения об осетинском народном эпосе высказывать с оглядкой, не ограничивая себя кругозором иранского культурного мира и иранской филологии и чутко относясь к материалам окружающего коренного яфетического кавказского населения. Чуткость требуется не только к добру непосредственно соседствующих племен, но и к достоянию отрезанных ныне от непосредственного общения с осетинами народов, в данном случае мегрелов и чанов, коренного населения<,> во многих отношениях интересной и столь же многократно забываемой архаичной Колхиды.

Однако вопрос иной, как назывался народ мегрело-чанской или шипящей группы, от которого осетины усвоили это столь ярко(-)эт(н)ически определяемое слово, (и) где и когда у осетин был контакт с тем народом. Но это вопрос, требующий предварительного преумножения материалов, иллюстрирующих такой контакт» {Март 1918а: 2100}.

Мне остается остановиться на той части блестящей статьи академика Марра «Термин скиф», которая касается осетинского языка и навеяна статьей академика Вс. Миллера «Эпиграфические следы иранства на Юге России» {Миллер 1886}. Внимание академика Марра останавливается на признаке мн. числа в осетинск. яз. tæ, который остается до сих пор не разъясненным. Вс. Миллер для объяснения этого признака обращался к урало-алт. и угро-финским языкам и ни словом не {с. 69} обмолвился о кавказских языках, которые окружают осетинский язык. «Речь <идет> о форме мн<ож>. числа, — говорит академик Март, — с показателем множественности t в разновидностях окончаний при одной огласовке “а” — -ta→-da→-ða. В работе о племенном составе населения Кавказа {Март 1922в} мной выясняется фактическое богатство разновидностей этого яфетического показателя множественности, от яфетидов передавшегося (и не)³⁵ яфетическим, за пределами Кавказа, а тем более в пределах самого Кавказа от коренных кавказских племен, яфетических, пришлым иранцам — курдам и осетинам» {Март 1922а: 75}. Наличие этого признака мн. числа теперь обнаружено и в баскском языке, самом далеком представителе яфетической семьи на Западе. «В баскском это окончание на лицо в двух разновидностях -ti || -te в качестве суффикса мн. числа, образующего глагольное имя, u-ta (e-ta)³⁶ в фамилиях, как то наблюдал еще В<с>. Ф. Миллер в осетинском» {Март 1922а: 83}. «Во всех случаях, — говорит далее академик Март, — не только, когда речь идет об языках ариоевропейского

³² В оригинале *нею*.

³³ В тексте статьи ошибочно *доказателем*.

³⁴ В статье ошибочно di+g-or / de-g-ur.

³⁵ В тексте статьи предлог *к*.

³⁶ В данном случае текст в круглых скобках — в источнике.

происхождения кавказского мира — осетинском, армянском и курдском, но и о персидском, наличие в них согласно(го) звука того (же) образовательного элемента — одно из ярких свидетельств господства яфетических языков, архаических в передней Азии, и влияния их норм на языки внедрившихся впоследствии индоевропейцев» {Март 1922а: 83}. Чтобы покончить с этим вопросом, приведу еще одну цитату³⁷, которая выясняет точку зрения академика Марра на Кавказ и его население:

1) «Кавказ есть житница мировых этнических терминов: ряд племенных названий, безусловно коренных Кавказа, получили международное значение уже в эпохи Средневековья³⁸ в качестве названий народов или со спорным родословием, как(,) напр., “скифы”, или заведомо чуждых кавказскому миру племен, усвоивших кавказское наименование» {Март 1922а: 87–88};

2) «Кавказские племенные названия представляют или тотемные термины, названия³⁹ животных, светил, металлов, богов и т. п., или основы со значением “человек”, resp. “люди”, “божество”, то простые, то производные с суффиксом мн<ож>. числа, часто и с префиксом, или составные с одним из слов, означающих “дитя”, “сын”, resp. “дети”, “отроки” во второй части, причем эти вторые части со значением “сын”, resp. “дети” одновременно являются выразителями мн<ож>. числа и<, > несомненно<, > проявляют родство с показателями множественности» {Март 1922а: 88};

3) «Племенные названия кавказского севера повторяются на юге кавказского мира или сами представляют повторение племенных названий крайнего юга» {Март 1922а: 88};

4) «Повторное расположение⁴⁰ одного и того же племени на севере и на юге Кавказа, а также на его северо-западе и юго-востоке, находится в связи с миграционным(и) движением {с. 70} соответственных этнических масс в обе стороны, и с юга на север, и с севера на юг, понятно, в различные эпохи» {Март 1922а: 88}.

III

Такова яфетическая теория академика Марра и взгляд его на происхождение осетин. Я намеренно привел большое количество цитат для того, чтобы яснее представить теорию академика Марра. Теперь позволю себе сказать несколько слов по существу теории.

Яфетическая теория, созданная впервые представителем русской научной мысли в период наивысшего напряжения русской жизни, знаменует собой, по моему мнению, акт огромного достижения русской научной мысли. Благодаря этой теории горизонты мысли расширяются и наука о языке и происхождении человечества может сделать и делает огромные шаги вперед. Единственным препятствием, и то только в данный момент, может быть отсутствие подготовленных работников в достаточном количестве. Что касается вопроса о происхождении осетин и осетинского языка, то и здесь академик Март высказывает плодотворную мысль о том, что в осетинском языке мы имеем яфетические наслоения, которые могут быть вскрыты только при сравнительном изучении осетинского языка с окружающими яфетическими. При этом иранский элемент академиком Марром не отрицается. Остается для него открытым вопрос о первичности или вторичности его в составе осетинского языка, т. е. не решен вопрос о том, кто осетины по своему происхождению: иранцы, смешавшиеся с яфетидами и сохранившие иранскую речь, или яфетиды, подвергшиеся иранизации. Как бы ни было, прежний взгляд о том, что осетины

³⁷ Дзагуров делит здесь цитату из одного и того же источника на четыре части.

³⁸ В тексте статьи *средневековые*.

³⁹ В тексте статьи множественное число *названия*.

⁴⁰ В тексте статьи ошибочно *Повторение расположения*.

чистые иранцы, теперь должен быть признан устарелым. Теперь перед нами стоит вопрос о выяснении яфетического элемента осетинского языка в такой же степени, как выяснен его иранский элемент. Некоторое сомнение и недоумение вызывает положение академика Марра о троичности этнической основы осетинского языка. Если с таким положением согласиться, то не будет периода совместного существования трех наречий осетинского языка. Таким образом, перед осетиноведением встают новые задачи сравнительного изучения осетинского языка с яфетическими и определения степени влияния их друг на друга.

В заключение еще раз в виде резюме повторяю положения новой теории:

- 1) яфетическая теория оперирует пока преимущественно над лингвистическими (или языковыми) данными;
- 2) новая теория выросла на почве изучения кавказских языков и в результате своего роста вышла из кавказских {с. 71} территориальных границ, когда открылись яфетические языки на Западе — баскский и на Востоке — буширский, или вершицкий, язык на Памире;
- 3) языки по яфетической теории делятся на яфетические и мешанные (или гибридные);
- 4) яфетический слой может быть и должен быть прослежен во всех языках (живых и мертвых);
- 5) основным процессом признается по яфетической теории скрещение⁴¹ языков, а потому необходимо в каждом отдельном случае исследовать процесс фактической и специальной его роли в происхождении отдельных видов или целых типов;
- 6) яфетическая теория скрещения дает возможность вырешить вопрос о первоначальном возникновении человеческой речи и о возможности и способах образования в будущем одного языка для всего человечества;
- 7) по яфетической теории необходимо изучать не только лингвистические данные, но и религию, творчество, хозяйственный быт и др., а также социальный и классовый состав каждого народа;
- 8) яфетические языки делятся на две группы: сибилантную (грузин, мегр., чанский и сванский) и спирантную (лезгинские языки, чеченские и адигейские). Среднее положение между ними занимают гибридные языки: армянский, осетинский, курдский;
- 9) исторической первостоянкой яфетических народов является Месопотамия, откуда они двинулись на север под напором арио-евр. народов и осели на Кавказ; арио-европейцы явились вслед за ними на Кавказ. Местные топографические условия и историческая в них жизнь с рядом передвижений сильно повлияли на картину расселения племен Кавказа;
- 10) по новой теории на существо картины расселения в более древние эпохи особенно сильно влияли довольно частые перерождения одних народов в другие и попутно новые внутренние осложнения племенного состава, т. е. нарождения новых гибридных типов; в связи с этим должна быть разработана теория о гибридации кавказских племен и установление ее типов и эпох;
- 11) в виде предположения академик Марр высказывает мысль, что «(не являлась ли) вся кавказская гео-этническая единица, <т. е.> вся территория Кавказа, <была> (мировым) источником оплодотворения племенной природы человечества» {Марр 1922в: 38};
- 12) осетины представляют из себя смешанный [или гибридный] тип; вопрос остается открытым относительно первичности и вторичности иранского и яфетического элементов; {с. 72}

⁴¹ В тексте статьи множественное число *скрещения*.

13) осетины [иранцы, арио-европейцы] на Кавказе одновременно и пришлый и коренной элемент;

14) если предполагать, что осетины иранцы, то три ветви осетинского языка смешались с тремя разными этнически яфетическими единицами, т.е. предполагается троичность осетинского языка;

15) необходимо выяснить во всей полноте не только иранский элемент осетинского языка, но и яфетический;

16) необходимо выяснить влияние осетинского языка на яфетические и обратно.